

Ю. Л. Ореханов, А. В. Постернак

Восприятие религиозных идей Л. Н. Толстого в протестантизме XX в.

В статье рассматривается проблема взаимного влияния учения Л. Н. Толстого и протестантизма XX в. Автор показывает, что Л. Н. Толстой проповедовал тот тип христианства, который был особенно популярен на Западе. Именно поэтому Л. Н. Толстой ярко отразил в своем религиозном творчестве тенденции в «реформировании» евангельского благовестия, которые характерны для европейской культуры XIX в. При этом методы толстовского «перевода» Евангелия были признаны протестантскими авторами неактуальными.

Ключевые слова: секуляризация, протестантизм, Л. Н. Толстой, влияние.

Ju. L. Orekhanov, A. V. Posternak

Perception of L. N. Tolstoy's Religious Ideas in Protestantism of the XX century

In the article of Priest G. Orekhanov the problem of mutual influence of L. N. Tolstoy's doctrine and Protestantism of the XX century. The author shows that L. N. Tolstoy preached that type of Christianity which was especially popular in the West. That was why L. N. Tolstoy brightly reflected in his religious creativity the tendencies in "reforming" evangelical annunciation which are typical for the European culture of the XIX-th century. Tolstoy's methods of "interpretation" Gospel were recognized as irrelevant by Protestant authors.

Keywords: secularization, protestantism, L. N. Tolstoy, influence.

Постановка проблемы

Отечественные и западные исследователи XX в. уже достаточно давно сделали вывод, что Л. Н. Толстой, наряду с Ф. М. Достоевским, является для западного читателя выразителем самой сути «русской идеи», носителем глубоких морально-религиозных откровений. В протестантском богословии XX в. невозможно найти ни одного известного автора, который, рассматривая вопрос о христианской этике, не обратился бы к философским трактатам и идеям Л. Н. Толстого. Известный немецкий исследователь творчества писателя, профессор М. Дерне, указывает в своей работе, имея в виду некоторые особенности развития евангелического учения, что в ситуации глубокого кризиса веры и даже, как он отмечает, ее «внутреннего и внешнего банкротства», христианское сообщество в Германии в конце 60-х гг. XX в. оказалось «на грани самороспуска». Именно поэтому, пишет исследователь, можно предположить, что идеи Толстого и его «чуждаватое» евангелие станут снова актуальными: «И тогда образованные теологи снова займутся опровержением Толстого, а еще более образованные социологи будут идти рука об руку с ними в доказательстве очевидной негодности его примитивной социальной доктрины для высокоразви-

того индустриального общества, оказавшегося в широкой перспективе сегодняшнего и завтрашнего дня. И пусть же тогда прахристианский пафос Л. Н. Толстого и его сокровенная мудрость не будут «растворены» в его глупости» [1].

Основной вопрос в рамках выбранной темы заключается в следующем: что именно привлекает и не привлекает западных исследователей протестантской ориентации в творчестве великого русского писателя, какие его идеи они узнают как сродные себе, и, наоборот, какие склонны игнорировать или даже отвергнуть. Эти вопросы имеют огромное значение в контексте важнейшей научной проблемы, как представляется, пока удовлетворительно даже не поставленной – изучении особенностей секуляризации культуры и индивидуального сознания на русской почве в XIX в. Ведь и либеральный протестантизм, и католическая богословская мысль, готовившая акт I Ватиканского собора об административной власти и учительной непогрешимости Папы Римского, и русское светское богословие стояли перед одной и той же задачей: примирить традиционные христианские истины с результатами европейской духовной эволюции, «по-новому сказать старую весть новому поколению с изменившимися взглядами на мир и человека» [2]. И в рам-

ках данной проблемы вопрос о взаимном влиянии представляется мне одним из определяющих.

В Западной Европе интерес к «позднему» Толстому наиболее определенно выражен среди исследователей, относящих себя к немецкоязычной протестантской традиции. Среди авторов, писавших о Толстом как о выдающемся моралисте – христианине, можно отметить такие значительные имена, как А. Швейцер, К. Хайм, Э. Блум, К. Холь, В. Нигт, К. Барт, М. Дерне.

Таким образом, отдельный интерес представляет вопрос, какое значение для западного христианства, в первую очередь для протестантизма, имеют религиозные построения Л. Н. Толстого. Следует отдавать себе реальный отчет в том, что идеи писателя оказали на протестантскую мысль XX в. большое влияние. Не случайно М. Дерне называет Л. Н. Толстого одним из столпов «новой ориентации евангелической теологии» (наряду с Ф. М. Достоевским, С. Киркегором и К. Блумхардтом) [3]. Однако, если рассматривать конкретные работы, защищенные на евангелических богословских факультетах Германии и Швейцарии, бросается в глаза то обстоятельство, что в первую очередь авторов этих исследований интересует не Толстой – религиозный философ, а Толстой – интерпретатор Библии [4].

В 1927 г. в университете Лейпцига была защищена диссертация И. Аккермана, изданная позже в виде монографии «Толстой и Новый Завет» [5]. Эта работа положила начало дискуссии по поводу экзегетических методов Л. Н. Толстого и их адекватности методам академической библейской науки. В целом И. Аккерман делает вывод, что интерпретация писателем Евангелия не имеет, в сущности, никакого отношения к подлиннику.

Эта точка зрения подверглась проблематизации в диссертации К. Геде, защищенной в Берлине в 1974 г. [6]. Характерно, что К. Геде интересуется не вопрос, насколько интерпретация Л. Н. Толстого соответствует «историческому смыслу» Евангелия, в этом пункте, по всей видимости, в протестантской мысли нет принципиальных расхождений. К. Геде больше интересует вопрос, в каком историческом и социальном контексте появилась религиозная проповедь Л. Н. Толстого.

В итогах своей работы К. Геде указывает, что главной целью Л. Н. Толстого было сознательное противопоставление учения Христа, изложенного в догматических текстах Православной Церк-

ви, своему пониманию Евангелия, основанного, как полагал писатель, на глубокой связи «учения Христа» с социальной проблематикой. Другими словами, метод интерпретации Евангелия был сознательным вызовом Л. Н. Толстого церковной традиции.

В 1959 г. в Марбурге была выпущена обобщающая работа Ф.-Х. Филиппа «Толстой и протестантизм» [7]. Ее автор подчеркивает, что понимает протестантизм не только как конкретное историческое движение, но и более широко, как духовную традицию, которая противостоит традиционным религиозным ценностям в их критическом осмыслении. В этом смысле, приходит к выводу автор, религиозные идеи Л. Н. Толстого являются действительно протестом и лежат в общем русле протестантизма, причем тяготеют к его «левому крылу», но не могут при этом типологически быть отнесены к какой-то конкретной, существующей в русле протестантизма, вероучительной доктрине.

Этот вывод коррелирует с итогами монографии, выпущенной несколько раньше В.-А. Хауком, который подчеркивает, что между творчеством Р. Зомма, известного протестантского теолога и историка церковного права, и религиозными идеями Л. Н. Толстого есть принципиальная связь, которую можно выразить следующим образом: через критику официальной церковной доктрины оба утверждают прахристианский идеал, который исторически был «снижен», знаком чего явилось появление правовых норм в Церкви, взамен первоначального господства веры и харизматического порядка, основанного на любви [8].

При этом характерно, что протестантская мысль XX в., которая, казалось бы, должна относиться к библейским построениям писателя с особым вниманием, выносит совершенно неутешительный вердикт по поводу «прахристианства» Л. Н. Толстого. Немецкие исследователи подчеркивают, что идеи Л. Н. Толстого в целом находились в русле библейских исследований протестантских авторов XIX в., однако писатель воспринимал их результаты и гипотезы достаточно произвольно и выборочно, обходясь с ними с позиций дилетантского критицизма и по необходимости модифицируя в нужном для себя направлении. Кроме того, он часто доводил до абсурда некоторые гипотезы, высказанные слишком остро, в частности, совершенно безапелляционно вставал на ту точку зрения, что сущность Евангелия заключается в учении Иисуса, которое

со временем было искажено всевозможными редакторскими дополнениями [9].

М. Дерне приходит к выводу, что, во-первых, хотя подборка Л. Н. Толстым английских и немецких авторов была фундаментальной, она носила, тем не менее, произвольный характер (*souverän – willkürlichen Auswahl*): предпочтение отдавалось тем авторам, которые подтверждали его практико-этическое понимание проповеди Христа. Кроме того, выводы даже и этих авторов Л. Н. Толстой искажал [10].

Большой интерес с точки зрения указанной проблемы представляет собой короткая, но очень емкая рецензия на упомянутую книгу И. Аккерманна гамбургского исследователя Р. Саломона. Последний подчеркивает, что общий вывод монографии Аккерманна о том, что учение Л. Н. Толстого о собственности, государстве и браке расходится с евангельским, должен быть существенно дополнен. Р. Саломон указывает, что без обращения к русскому тексту обширного соединения и «перевода» Евангелия, проделанного Л. Н. Толстым, который никогда не переводился на немецкий язык и был Аккерманну недоступен, невозможно получить представление о масштабе того невероятного произвола (*ungehenerlichste Willkür*), который позволяет себе Л. Н. Толстой по отношению к евангельскому тексту с целью найти в нем подтверждение своей собственной религиозной доктрины. Изучая греческий язык в сорокалетнем возрасте, писатель с явным предубеждением относился к своей задаче, а собранная им экзегетическая литература носит случайный характер [11]. Этот тезис Р. Саломон иллюстрирует на примере евангельского отрывка Мф. 5. 32: «А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует». Традиционное прочтение и интерпретация последнего стиха настолько противоречили религиозным установкам писателя, что первоначально он намеревался просто вычеркнуть этот текст из своего «евангелия», но затем решил его «перевести» соответствующим образом. Р. Саломон подчеркивает, что если бы толстовский текст был снова переведен на греческий язык, то результатом такого обратного перевода стал бы совершенно чуждый греческому подлиннику отрывок. Именно поэтому автор рецензии называет учение писателя «христианством собственной чеканки» [12].

Аналогичные заключения по поводу методов свободной интерпретации евангельского текста Л. Н. Толстым делают и современные исследователи протестантской ориентации. Д. Редстон, в частности, отнесясь в целом с симпатией к попытке Л. Н. Толстого свести все содержание нравственного учения Господа к пяти заповедям, тем не менее, вынужден указать, что для Л. Н. Толстого выработанные библеистикой научные методы критики текста были, в сущности, неведомы и не представлялись актуальными [13].

Следует обратить особое внимание на статью выдающего немецкого слависта Л. Мюллера, который подчеркивает, что в целом русским богословам – «лаикам» – был в той или иной степени близок взгляд на Церковь как в первую очередь на царство свободы: самосознанию человека XIX в. в идее Церкви важна не власть авторитета, а именно свобода и автономия субъекта, которая противопоставляется любым концепциям «авторитетной непогрешимости» и учительства [14]. В частности, Л. Мюллер подчеркивает, что в творчестве Л. Н. Толстого практически на каждом шагу прослеживается влияние либерального протестантизма, правда, в отличие от Ф. М. Достоевского, в более раннем варианте, то есть в идеях Просвещения XVIII в., для которого Христос является в первую очередь и исключительно учителем, возвещающим единственно истинное учение жизни [15].

С другой стороны, рассматривая в целом работы протестантских богословов, можно сделать следующий вывод: в протестантской теологии XX в. авторитет Л. Н. Толстого чрезвычайно высок. Он зиждется не столько на его богословских и экзегетических спекуляциях, сколько на том «прахристианском» пафосе, который открывают исследователи в творениях писателя. «Богословие» Толстого оказалось чрезвычайно созвучно общему сдвигу в социальную сферу, который характерен для протестантской мысли XX в. Именно поэтому оно получило такую высокую оценку в работе К. Геде, именно поэтому В. Нигг называет Л. Н. Толстого «великим первооткрывателем нагорной проповеди в новое время», а его доктрина непротивления злу силой, с точки зрения В. Нигга, есть в действительности «попадание» в самую сердцевину Евангелия. Конечно, особое значение эта мысль получает в связи с эпохой торжества тоталитаризма. Проповедь писателя была отвергнута в первую очередь его русскими современниками не потому, что не соответствовала сущности евангельского христиан-

ства. Наоборот, его понимание Евангелия было настолько новым и неожиданным, что просто не могло быть ими воспринято [16]. В конечном итоге проповедь Л. Н. Толстого есть страстный евангельский призыв к современникам, истинное «русское христианство», христианский радикализм, свободный от печати «византизма», отвергающий современную культуру, но являющийся для современников, пребывающих в состоянии спокойной неподвижности, суровым призывом к следованию за Христом [17].

Х. Мюнх подчеркивает, что в конечном итоге отношение к Л. Н. Толстому либеральных теологов XX в. имело двойственный характер. Пытаясь примирить христианство с современной культурой, они чрезвычайно серьезно восприняли толстовское «благовестие», в котором видели знаменательный вызов времени. Им была очень близка критика догмы и культа Православной Церкви, в которых они видели искажение учения Христа, а также ярко выраженная этико-рационалистическая установка писателя. С другой стороны, они были вынуждены отвергнуть законнические тенденции в толковании Нагорной проповеди и жесткую критику культуры во всех ее проявлениях. Кроме того, в контексте учения М. Лютера о двух царствах (светское царство вынуждено кровавым мечом обуздывать абсолютно неспособного к добру человека) либеральные теологи невысоко оценили теорию непротивления злу насилием, подчеркивая, что евангельский пацифизм более эффективен не для жестокого мира, в котором живет человек, а для внутренней духовной жизни самого человека. Этот подход нашел яркое выражение в изданных в 1903 г. «Письмах о религии» либерального политического деятеля и социального теолога Ф. Науманна, который утверждал, что в жизни существуют две альтернативы, реализующиеся в оппозиции «Бисмарк – Толстой»: принцип «Евангелие бронированного кулака» и «Евангелие братства». Как политик Ф. Науманн признавал только принцип «Бисмарка», но утверждал, что жизнь выше всех принципов и противоположностей и поэтому нуждается в «толстовстве» [18].

Выводы

Л. Н. Толстой проповедовал тот тип христианства, который был особенно популярен на Западе. Вся религиозная жизнь Л. Н. Толстого проходила под знаком стремления, в рамках руссоистской дихотомии «Природа – Цивилизация», очистить христианскую религию от «исторических наслоений», дать людям вечное Евангелие, «Пра-

евангелие». Таким образом, Л. Н. Толстой ярко отразил в своем религиозном творчестве тенденции в «реформировании» евангельского благовестия, которые характерны для европейской культуры XIX в. Однако не следует закрывать глаза на тот факт, что, стремясь к возрождению Евангелия, Л. Н. Толстой реально в значительной степени способствовал вульгаризации его понимания и смысла, созданию упрощенного учения, имеющего ярко выраженную морализаторскую окраску и хилиастически-прагматическую направленность – созидание Царства Божьего на земле совокупными усилиями многих человеческих поколений.

Учитывая характерное для протестантизма понимание секуляризации и значение этого понятия для протестантского богословия Нового времени, не может удивлять тот факт, что большой интерес к религиозному творчеству Л. Н. Толстого проявили представители именно этого течения. Другими словами, можно утверждать, что религиозные идеи Л. Н. Толстого были созвучны тем интенциям, которые формулировало протестантское богословие XIX в. в процессе своеобразной «интерпретации» секулярных тенденций. Но что именно привлекало протестантских авторов в идеях Толстого? Угадывая в трактатах писателя, созданных после религиозного переворота, внутренне сходные для себя тенденции, протестантские авторы в первую очередь подчеркивали социальную составляющую этой проповеди, стремление писателя дать не столько буквальным перевод евангельского текста, сколько перевести его на язык современности, секулярного мира, актуализировать не мистический, а моральный и социальный пафос Евангелия, а также выраженный антицерковный протест.

В восприятии идей Л. Толстого конфессионально ориентированными представителями Запада ярко проявилась важнейшая тенденция отвержения исторической Церкви и исторического Христа, или, наоборот, борьбы за них. В частности, в либеральном протестантизме эта тенденция нашла выражение в очень близкой Л. Н. Толстому идее противопоставления «институциональной» Церкви как уникального «пространства спасения» Церкви как «царству свободы». С этим противопоставлением связано и другое: противопоставление «исторического Христа» «Христу Церкви». Очень важно подчеркнуть, что эта тенденция не имела характера абстрактных богословских споров, а оказала огромное, если не сказать «решающее», влияние на развитие рус-

ской культуры конца XIX – начала XX в. Некоторые авторы, например, В. Нигг, не случайно подчеркивали, что именно Л. Н. Толстой уловил главную тенденцию религиозной культуры нового времени: для образованного человека XIX в. возвращение в Церковь уже невозможно. Характерно, однако, что при этом методы толстовского «перевода» Евангелия были признаны неактуальными и протестантами.

Примечания

1. Dörne M. Tolstoj und Dostojewskij. Zwei christliche Utopien. Vandenhöck – Ruprecht in Goettingen. [1969]. S. 81 – 82.
2. Мюллер Л. Влияние либерального протестантизма на русское светское богословие XIX века // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. – М., 2000. – С. 268.
3. Dörne M. Tolstoj und Dostojewskij. Zwei christliche Utopien. Vandenhoeck – Ruprecht in Goettingen. [1969]. S. 7. Блюмхардт К. (1842–1919) – выдающийся немецкий богослов, социал-демократ.
4. Lev Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker. Proektbeschrieb und Forschungsplan / George M., Herlth J., Schmid U. / Universitäten Bern – Friburg – St. Gallen. 2009. S. 7. (рукопись).
5. Ackermann J. Tolstoj und das Neue Testament. Leipzig. 1927.
6. Gaede K. Das Schriftverständnis Lev Tolstois und Fragen seines gesellschaftlichen Bezuges. Theol. Dissertation HU Berlin 1974.
7. Phillipp F.-H. Tolstoj und der Protestantismus (= Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas. Bd. 2). Giessen. 1959.
8. Hauck W. A. Rudolph Sohm und Leo Tolstoi. Rechtsordnung und Gottesreich. Heidelberg. 1950.
9. Phillipp F.-H. Tolstoj und der Protestantismus (= Marburger Abhandlungen zur Geschichte und Kultur Osteuropas. Bd. 2). Giessen. 1959. S. 57.
10. Dörne M. Op. cit. S. 68.
11. Salomon R. Tolstoi als Bibelexegetiker // Archiv für slavische Philologie 42, 1929. S. 184–185.
12. Ibid. S. 186.
13. Redston D. Tolstoj and the Greek Gospel // Journal of Russian Studies 54 (1988). P. 27.
14. Мюллер Л. Влияние либерального протестантизма на русское светское богословие XIX века // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. – М., 2000. – С. 260.
15. Там же. С. 265–266.
16. Nigg W. Das Buch der Ketzer. Frankfurt/Main. Wien. Zürich. 1962. S. 430, 433.
17. Ibid. S. 439.
18. Münch Ch. Der Einfluss L. N. Tolstois auf religiös-soziale Schweizer Theologen im ersten Drittel des 20. Jahrhunderts // Lev Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker. Universitäten Bern – Friburg – St. Gallen. 2009. S. 1. (рукопись).